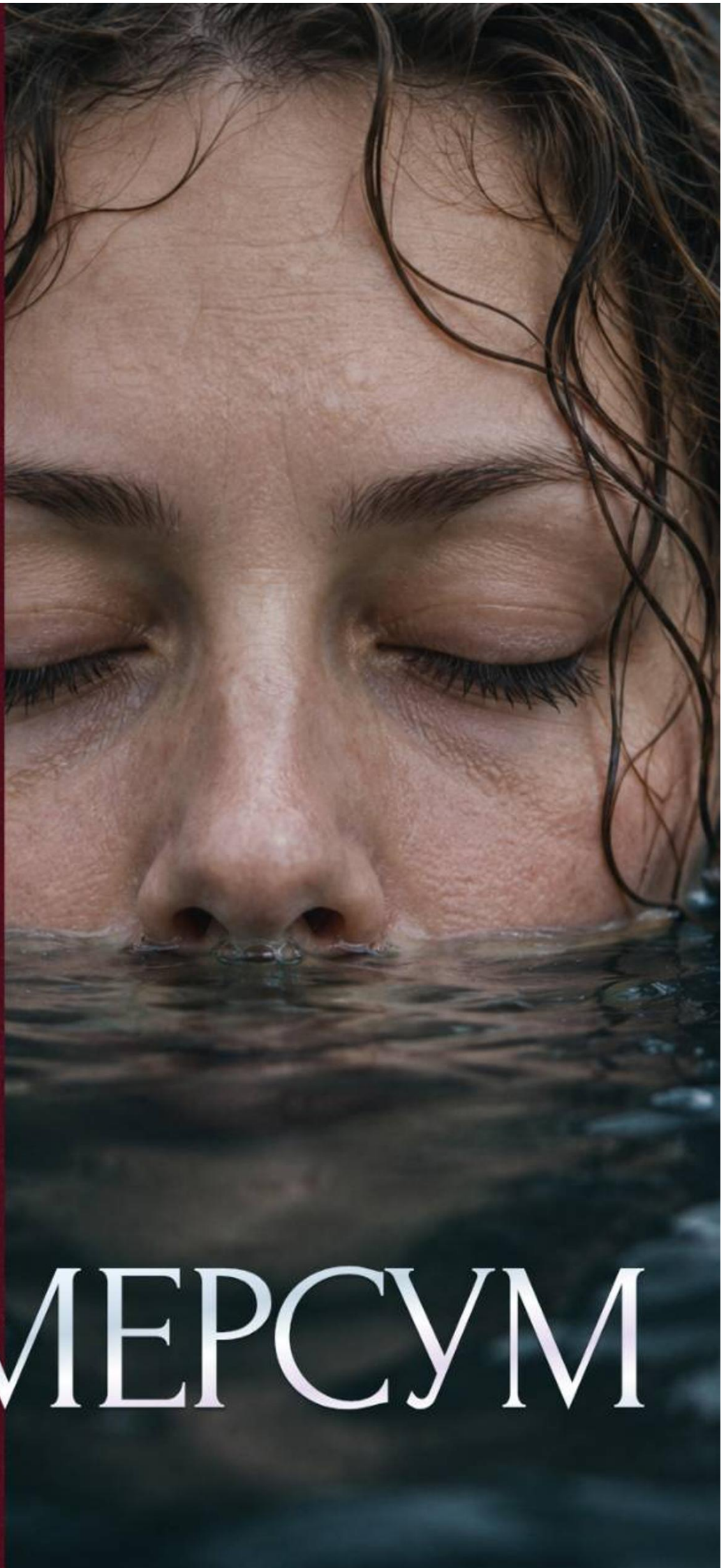
Летта Шторм



ДЕМЕРСУМ

Летта Шторм

ДЕМЕРСУМ

«Автор»
2026

Шторм Л.

ДЕМЕРСУМ / Л. Шторм — «Автор», 2026

Сначала это всего лишь записка на кухонном столе.Вера живёт во Владивостоке, работает в музее и по просьбе подруги временно принимает её двоюродного брата Илью. Их расписания не совпадают. Они живут в одной квартире, оставляют друг другу несколько строк — и всё никак не могут встретиться.Постепенно в этих строках становится тепло. Появляются шутки, маленькие признания, желание рассказать, как прошёл день. Вера всё чаще думает о человеке, которого ещё не видела. Ей хочется услышать его ответ сразу, задержать его взгляд, оказаться рядом без бумаги между ними.А потом записки перестают приходить.Вера начинает искать Илью. Ей предстоит понять, кого она впустила в свою жизнь и что осталось за словами, которым успела довериться. Каждая записка теперь читается иначе. А ей всё ещё хочется однажды поднять глаза от письма и увидеть его напротив.

© Шторм Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Между прочим 5
Глава 2. Временно ваш 9
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Летта Шторм
ДЕМЕРСУМ

Глава 1. Между прочим

Снимая шарф, я зацепила бахромой застёжку сумки. Потянула сильнее — только затянула. На тумбе возле двери резко зазвонил телефон. Я вздрогнула, выпустила шарф и взяла трубку.

— Привет. Как раз домой пришла.

Подхватив сумку со свесившимся шарфом, прошла на кухню. Телефон положила на стол, включила громкую связь и достала папку с пробными оттисками.

— А я как раз… Миш, не трогай. Это сырое. Вер, ты слышишь меня?

— Слышу. Ты кого кормишь сырым?

— Пока никого. Котлеты делаю. Дай мне руку, пожалуйста. Не тебе, Вер.

На том конце зашумела вода. Я освободила шарф, унесла его в прихожую и вернулась. Из кухни был виден короткий коридор с тремя дверями; на стене напротив полосой лежал свет из кухни. На подъёме от остановки мне было жарко в расстёгнутом пальто, а здесь холодом тянуло из-под подоконника. Ветер негромко посвистывал в оконной раме. Я потёрла ладонями предплечья и поставила чайник, не включая большого света.

— Ну что, вы победили эту стеклянную штуку? — спросила Света. — Или завтра опять?

— Витрину. Победили. Только оказалось, что я полдня боролась не с тем.

— В смысле?

— Помнишь, там лампа отражалась прямо поверх карты? Я решила, что надо сдвигать витрину. Уже всех собрала, всё из неё вынули. Потом сама встала на место посетителя. На нормальное место, не туда, откуда я на неё смотрела, пока сидела на корточках. И поняла, что светильник надо повернуть.

— И ты им сказала?

— Пришлось. Они же уже пришли двигать. Стоят, ждут, а я держу пустую коробку и делаю вид, что сейчас ещё что-то очень важное проверю. Самое противное — никто даже не ругался. Повернули свет, начали всё ставить обратно. Лучше бы хоть спросили, чем я раньше думала.

— Не спросили, потому что ты бы ответила. Вы бы ещё до ночи там остались.

Я рассмеялась и наконец села. За день ноги так устали, что даже кухонный стул показался местом, которое придумали специально для меня. Света не стала утешать меня насчёт светильника, и я была ей благодарна. Можно было побыть человеком с пустой коробкой, не доказывая немедленно, что обычно я полезнее.

— Зато карту теперь видно, — сказала я. — Там такой хороший карандашный след вдоль берега. Всё стёрто, подписи еле читаются, а эта линия живая. Я хотела, чтобы её можно было разглядеть, а сама закрыла её бликом.

— Покажешь, когда откроетесь. Только не в тот день, когда ты будешь всех строить.

— Я никого не строю.

— Тогда когда все перестанут строиться сами. Миш, я вижу. Поставь на стол.

Детский голос что-то возразил — слов я не разобрала. Затем раздался стук, Света выдохнула, и в трубке зашипело так, что я отодвинула телефон.

— Что у вас там?

— Котлеты. И Миша решил накрыть на стол. У него глубокая тарелка на голове.

— Помощь пришла.

— Он же правда помогает. Только мне надо успеть обрадоваться раньше, чем я увижу, что он придумал. Теперь он голодный, а я только до сковородки добралась.

Я потянулась к пакету с хлебом и остановилась.

— Свет, может, я позже позвоню? Ты поешь хотя бы.

— Нет, говори. Я их уже положила. Теперь можно стоять и смотреть. И с тобой разговаривать. Я весь день собиралась, всё не получалось.

Шипение сделалось тише. Я налила себе чай, подвинула папку подальше от чашки и стала разбирать принесённое: оттиски к оттискам, чеки в боковой карман сумки. На одном чеке был нарисован мной прямоугольник с размерами. Я повертела его и оставила сверху. Выкину — обязательно понадобится; сохраню — так и буду перекладывать до следующей выставки.

— Ты свою заявку отправила? — спросила Света.

— Нет.

— А почему?

— Потому что пока не понимаю, какие работы туда выбрать. В музее я могу объяснить, какие вещи стоит поставить рядом и почему. А когда надо показать себя — начинаю складывать всё, что сделала за десять лет. Получается склад с подписью «Вера Лаврова».

— Ты мне пришли несколько. Я скажу, что мне нравится.

— Ты выберешь то, что у тебя на стену поместится.

— Ну да. Хоть какой-то способ.

Глядя на папку, я улыбнулась. Отправить Свете несколько работ было можно. Не всю заявку, не объяснение, почему мне понадобился северный музей, — просто картинки.

— Пришлю. Только не сейчас.

— Когда сможешь. Вер, я ещё хотела спросить. У меня тут с Ильёй…

Она замолчала. Я услышала близкое детское сопение и отчётливое:

— Мам, пить.

— Вода на столе. В твоей чашке.

— Там мало.

— Сейчас налью. Вер, подожди секунду.

Я отломила кусок хлеба. За стеной кухни прошла вода по трубе, а из телефона донёсся похожий звук, и на несколько секунд две квартиры смешались у меня на столе. Я представила Свету у раковины: рука ещё помнит котлетный фарш, Мише срочно нужна вода, разговор ждёт. У меня чай, хлеб и целый вечер, в который пока никто не вмешивался. Даже мои собственные дела можно было отложить. Я убрала чек в папку.

— Сейчас только переверну, — сказала Света. Что-то негромко заскребло, шипение усилилось и снова стихло. — Всё. Илья завтра приезжает. Брат мой, двоюродный. По работе. Ты помнишь, ты говорила, если кому-то из наших нужно будет ненадолго…

Я перестала жевать. Помнила. Очень хорошо помнила, как легко это тогда сказала: комната всё равно пустует, чего ей пустовать. И ведь не притворялась щедрой. Просто тот человек был далеко, за словами «если понадобится», а завтра я ещё рассчитывала вернуться домой, снять с себя всё неудобное и ни с кем не разговаривать. В музее стоило присесть, как уже нужно было подняться: подойти, посмотреть, решить. Дома я иногда оставалась на кухне в полутьме, даже не включая чайник. Просто сидела, пока не начинала сама чего-нибудь хотеть. При чужом человеке в соседней комнате я бы прислушивалась: встал, ищет чашку, не знает, где выключатель. Пошла бы показывать, хотя никто ещё не попросил.

— Насколько ненадолго?

— Недели на две. Он суда проверяет, состояние, документы. Сюрвейер. Я в подробностях не очень, он тебе сам расскажет. Мы бы его взяли, но у нас…

— Я знаю, что у вас.

Я сказала это резче, чем хотела. Перед глазами появилась Светина маленькая комната с разложенным диваном — я бывала там, знала, сколько места остаётся для прохода. Но оттого, что у неё тесно, у меня не становилось меньше вещей и работы.

— Свет, у меня открытие на носу. Я сейчас домой прихожу и не хочу даже решать, что есть. А в комнате коробки, работы, всё вперемешку. Я тебе предложила, когда мне казалось, что я это разберу. Я и правда собиралась.

— Вер, я не проверяю, разобрала ты коробки или нет. И ты мне ничего не должна. Я спросила, потому что помню про комнату. Не можешь — я ему так и скажу. Только не начинай сейчас всё бросать и устраивать гостиницу. Кровать есть?

— Есть. Под работами.

— А отдельная комната ему была бы очень кстати. Он сам себе приготовит, сам постирает. Ты бы только показала, где что.

Я посмотрела в коридор. Дверь гостевой была прикрыта; возле неё стояла большая папка, которую я всё время обходила, собираясь когда-нибудь убрать внутрь. «Отдельная комната». У Светы это прозвучало как что-то хорошее и нужное, почти готовое. Я же успела привыкнуть думать о ней как о месте, до которого у меня не доходят руки. Там была нормальная кровать, стол у окна. Человеку можно было войти, поставить сумку, остаться. Я вдруг представила, как возвращаюсь вечером и вижу свет под этой дверью. Знаю, что там кто-то есть, что можно постучать, спросить, будет ли он чай. Всего минуту назад мне не хотелось ни отвечать, ни показывать, где лежат чашки, а теперь я улыбалась, глядя в коридор. Лицо потеплело. Захотелось сказать Свете: конечно, пусть приезжает, я всё устрою, — и от того, как легко готовы были выскочить эти слова, стало неловко. Мне ведь никто не предлагал ничего, кроме лишних хлопот. Я обхватила чашку ладонями и помедлила с ответом. Тепло не проходило, хотя досада тоже никуда не делась: ещё не согласилась, а уже мысленно сдвинула папки и освободила стол. Я ещё даже не знала этого человека.

— Он понимает, что я не буду встречать его с ужином? — спросила я. — Я поздно возвращаюсь. И мне дома тоже надо работать.

— Понимает. Если не понимает, я объясню. Только ты ему сама скажи, во сколько удобно приехать. А то я сейчас вам тут всё устрою… Мишенька, отойди от плиты. Вот сюда. Нет, эту ручку не трогаем.

Её голос вдруг стал твёрдым и близким. Я подождала, поглаживая пальцем край чашки. Потом услышала, как Света подвинула что-то со скрежетом, и негромкое детское недовольство.

— Что ты говорила? — спросила она.

— Что поздно прихожу.

— Да. Он же тоже работать приезжает. Вер, ты подумай. Не надо отвечать, пока я тут отвлекаюсь.

Чай кончился. Хотелось ещё посидеть, пока Света возится у плиты, но теперь она ждала ответа. Можно было попросить время и перезвонить. Я уже открыла рот — и поняла, что буду все эти десять минут мысленно освобождать комнату. Отодвинула чашку, положила ладони на стол. Две недели. Только пусть с самого начала знает, что я не всегда готова разговаривать.

— Пусть приезжает. На две недели, Свет. Если понадобится дольше, пусть заранее со мной поговорит, а не когда они закончатся.

— Хорошо. Я скажу. Спасибо тебе.

По тому, как она это выдохнула, я поняла, что она всё-таки очень надеялась. Сразу отпустило между плечами. Хотелось добавить, что никаких проблем нет, но я прикусила губу.

— Только коробки останутся у стены. И пусть без предупреждения никого не приводит. Мне пока хватает компании собственных бумажек.

— Про гостей передам. А про коробки можешь не оправдываться. Давай я ему дам твой номер, он сам позвонит и вы договоритесь.

— Давай. И его номер мне пришли. С фотографией, чтобы я знала, кого пускаю.

— Сейчас найду. Вер, правда, спасибо. Я бы сейчас ещё поговорила, но у меня уже одна котлета подозрительно притихла.

— Иди переворачивай. Мише привет.

— Передам. А ты поешь нормально. Ты там всё хлебом шуршишь.

Я посмотрела на отломанный край батона и не стала спорить. Мы попрощались. Без Светиного голоса кухня сразу показалась просторнее и тише; слышно было, как чайник остывает на подставке. Я ещё немного посидела, прижав пятки к перекладине стула. Потом телефон коротко завибрировал. Света прислала номер с подписью «Илья Корсаков» и фотографию: мужчина стоял боком к камере, повернув голову к тому, кто снимал. Тёмная куртка, короткие волосы; на заднем плане в кадр попала часть чужого плеча. Я увеличила лицо. Ближняя бровь была чуть приподнята; свет выделял скулу и оставлял щёку под ней в тени. Захотелось сдвинуть границу кадра, дать больше места со стороны его взгляда. Вместо этого я вернула снимок к прежнему размеру. Пока это был просто человек, которого завтра придётся впустить.

Я сохранила контакт, собрала оттиски в папку и поднялась. Чашку оставила на столе. У двери гостевой остановилась: большая папка всё ещё перегораживала часть прохода. Я обошла её и толкнула дверь.

Глава 2. Временно ваш

Дверь дошла до края ковра и остановилась. Пришлось нажать плечом; папка с оттисками скользнула под мышкой, и я едва успела подхватить её за нижний угол. Включила свет. Кровать вдоль левой стены была завалена листами картона и работами в прозрачных пакетах, на столе у окна стояли две коробки поменьше. На стуле — третья. Свободного места хватало ровно на то, чтобы войти, обозреть сделанное и отступить. Я положила папку на подоконник. Вот тебе и кровать есть.

Сначала решила просто перенести всё к стене. Подняла верхнюю стопку, прижала подбородком, чтобы не разъехалась, и сразу поняла, что никуда её не поставлю: вдоль стены уже выстроились коробки. На некоторых ещё оставались полосы старого скотча, разрезанного после развода. Я тогда аккуратно подписала, что где лежит. Теперь надпись «Разобрать» выглядела особенно содержательной. Можно было бы унести часть в спальню, но от этой мысли стало обидно: сама же уступлю комнату, а потом буду протискиваться к собственной кровати. Я опустила стопку обратно, высвободила руку и потёрла подбородок. Край картона оставил на нём болезненную полоску.

Большая папка в коридоре наконец пригодилась. Я принесла её, раскрыла на кровати и начала укладывать листы: плотные вниз, тонкие между ними. За этим простым порядком постепенно стало видно, что вечер не пропал целиком. Тут на самом деле не так много. Убрать работы, сдвинуть коробки, протереть стол. Не разбирать жизнь по годам. На секунду стало легче, и я тут же рассердилась на себя за это утешение: ведь сегодня собиралась заниматься совсем другим. Заявка оставалась открытой на ноутбуке в моей комнате. Собственные картинки я снова отложила, зато чужой человек завтра получит чистый стол.

Под последней работой обнаружился забытый носок. Один, мой. Я подняла его двумя пальцами и отнесла в корзину для белья. Потом вернулась, закончила с листами и поставила большую папку между шкафом и коробками. Кровать оказалась шире, чем я помнила. На покрывале сохранились плоские вмятины от картона, а возле подушки лежала крышка от фломастера. Сам фломастер не нашёлся. Крышку положила в ящик стола и начала освобождать столешницу.

В нижней коробке угол листа загнулся под папку с распечатками. Я потянула его, стараясь не порвать, и узнала собственный эскиз раньше, чем вытащила целиком: зелёный автобус, почти чёрные окна, широкая лужа с разбитым отражением. Помнила, как мучилась с этой водой. На бумаге она всё время получалась гладкой, а мне хотелось, чтобы в ней дробился весь автобус — зелёный бок, светлые прямоугольники стёкол, тёмное колесо. Внизу осталась грубая фиолетовая полоса, которую я тогда собиралась убрать. Сейчас именно она удерживала рисунок, не давала ему превратиться в аккуратную открытку.

Я села на освобождённый стул и положила лист перед собой. На обороте проступали следы от другой работы. Бумага чуть покоробилась, в углу остался отпечаток большого пальца. Всё это было моё, включая неудачные окна и слишком тяжёлое колесо. Захотелось достать краски, пока ещё видно, что здесь можно сделать, а не просто сохранить лист до следующей уборки. От этого желания защипало под веками. Я давно не испытывала такой нетерпеливой радости перед собственным рисунком: не оценить, не выбрать для заявки, а снова войти в него рукой. Даже фиолетовую полосу теперь хотелось продолжить — ещё немного, через край лужи.

Но краски лежали в другой коробке, стол ещё предстояло вытереть, а на кровати не было чистого белья. Я провела пальцем по сухому краю листа и положила его обратно, поверх остальных. Не в глубину. От этой маленькой предусмотрительности стало одновременно спокойнее и стыдно: будто договорилась с собой и снова получила отсрочку. Хотелось хотя бы сфотогра-

фировать эскиз для Светы, но верхний свет делал зелёный глухим. Решила снять утром, при дневном. Закрыла коробку неплотно, чтобы не искать потом.

С постелью возилась дольше, чем собиралась. Одеяло сбилось внутри пододеяльника в огромный ком; встряхнуть его не удалось, пришлось расстелить на кровати и выправить руками. Пока натягивала простыню на дальний угол, упёрлась бедром в тумбочку; выпрямившись, уже хотела оставить противоположный край как есть. И всё-таки обошла кровать. На ровном чистом белье даже складка выглядела иначе, чем на покрывале под моими папками: теперь это было место, куда вечером можно лечь.

На столе осталась старая лампа с короткой неподвижной ножкой. Я включила её, подставила под свет ладонь. Жёлтый круг освещал середину стола, а стоило придвинуться ближе, как голова перекрывала свет. В своей комнате я работала с другой лампой — её можно было наклонить над листом, поднять, повернуть к стене. Ничего не решая вслух, я сходила за ней. Отсоединяя провод от удлинителя, зацепила зарядку ноутбука и выругалась. Потом принесла хороший светильник в гостевую, а старый поставила себе. Над клавиатурой тут же легла моя тень.

Я задержалась перед ноутбуком. В заявке по-прежнему было заполнено имя и несколько строчек о проекте. Ниже белело поле для работ. На столе я оставила место под большой лист, рассчитывая вечером перебрать эскизы, но теперь сюда пришлось втиснуть эту неудобную лампу. Захотелось забрать свою обратно. Илья мог бы и с этой обойтись. Я уже взялась за основание, но вспомнила пустой стол напротив и то, как хорошо лёг на него свет. Отпустила. На две недели, напомнила себе. Только это было не совсем правдой: лампу я отдала не потому, что выдержу без неё две недели. Мне понравилось, что там теперь удобно.

Вернувшись в гостевую, я положила на кровать чистое полотенце. Коробки остались вдоль стены, одна на другой; стол и проход к окну были свободны. С подоконника забрала принесённую папку и прислонила к ножке стола, чтобы утром не забыть отвезти в музей. У порога ещё раз обернулась. Светильник освещал край кровати, и мне вдруг захотелось, чтобы человек, который здесь ляжет, заметил этот мягкий свет. Не похвалил уборку, не поблагодарил за каждую вещь — просто устроился, выдохнул, почувствовал, что ему здесь рады. Я смутилась собственной старательности. Всё-таки поставила лампу чуть дальше от края, погасила её и вышла.

На кухонном столе всё ещё стояла оставленная пустая чашка. Я взяла хлеб с сыром и вернулась к ноутбуку. Открыла папку с работами и выбрала два файла для заявки. Не лучшие за десять лет — два, на которые могла смотреть сегодня. Окно анкеты осталось открытым, когда я отправилась спать.

Утром про эскиз вспомнила уже у двери, с сумкой на плече. Можно было вернуться, достать лист, снять у окна, но я и так опаздывала. Вместо этого проверила, взяла ли оттиски и серую ткань для подложек. Ткань скатала вечером в рулон; теперь он торчал из пакета и не давал нормально взяться за ручки.

Запасные ключи я убрала в конверт и надписала: «Илье Корсакову». Знакомая соседка, с которой успела договориться утром, открыла почти сразу. Я ещё раз объяснила, что придёт один человек, назовёт моё имя и заберёт конверт. Она кивнула, положила его на полку у себя за дверью, и мне пришлось удержаться от следующего объяснения. Ключи уже были у неё. Больше ничего делать не требовалось.

С вещами удобнее было выйти во двор: оттуда до дороги оставался пологий проход, а перед парадным пришлось бы спускаться по ступенькам, придерживая рулон коленом. На общей лестнице я переложила пакет в другую руку, толкнула дворовую дверь и вышла на холод. Октябрьское утро было светлым, почти ласковым, пока не налетал ветер. Он сразу находил промежуток между шарфом и воротником. Я остановилась под стеной, перехватила папку и застегнула пальто до конца.

В музее Сергей встретил меня у входа в зал, держа в одной руке рулетку, в другой — карандаш.

— Ты ткань привезла? Хорошо. Только пока сюда не клади, здесь проносить будут.

Я обошла сложенные у стены рейки и увидела витрину. Она стояла дальше от окна, чем вчера, почти напротив входа. Стеклянные створки были сняты, внутри пусто. На полу остался прямоугольник светлой пыли.

— Серёж, зачем её подвинули?

— Задник не проходит. — Он показал карандашом на широкий щит в соседнем помещении. — Мы его развернём, занесём и поставим. Потом витрину вернём.

— Куда вернём?

— На место.

Я положила папку на свободный край рабочего стола.

— У нас теперь два места. Вчерашнее и вот это.

— На вчерашнее. Отметили.

Он указал на короткие кусочки малярной ленты у ножек. Метки действительно были. Мне стало немного неловко за голос, но со входа витрина всё равно заслоняла большую фотографию на стене.

— Если вы сначала поставите задник, а потом начнёте возвращать её, там останется узко. Придётся опять вынимать щит или разворачивать витрину.

— Не придётся. Мы её боком заведём.

— А стекло?

— Стекло сняли. Экспонаты убраны. Вер, я помню, что мы в музее.

Я посмотрела на щит, потом на проход. Сергей ждал, не убирая рулетку. За его плечом виднелась знакомая карандашная карта, лежавшая в защитной папке на столе хранителя. Вчера мне было стыдно заставить людей зря работать. Сегодня от этого стыда хотелось заранее остановить любое движение, которое не я назначила.

— Давай покажи, — сказала я. — Только полностью, где вы с ней повернёте.

Он прошёл до стены, отмерил расстояние и присел, приложив ладонь к полу.

— Вот здесь. Щит ещё не крепим, держим с отступом. Ты смотришь на витрину со входа, мы ставим по твоим меткам. Потом закрываем задником крепления. Но сперва надо дать нам его сюда пронести.

Я повторила путь взглядом. Проход оставался. Неудобный, но оставался.

— Хорошо. Тогда задник не закрепляйте, пока не посмотрю.

— Вот это уже можно.

— И не говори «боком заведём». У меня от этих слов всё стекло в зале звенит.

— Оно у меня тоже звенит. Поэтому и снял.

Он убрал карандаш за ухо и пошёл к рабочим. Я расстелила привезённую ткань на столе. Рулон, который всю дорогу норовил выпасть, здесь послушно лёг вдоль кромки. Можно было заняться тем, что умею, и никого пока не спасать.

К полудню подложки были вырезаны, задник стоял, а витрина вернулась на метки. Я проверила вид от входа, потом подошла ближе. Карта не бликовала. Сергей молча посмотрел на меня, и я подняла большой палец. Он кивнул в ответ и потянулся за крепежом.

Письмо от Бориса Лазарева, спонсора выставки, пришло, когда я сверяла подписи перед отправкой в печать. В теме стояло «Орион-7, окончательная редакция». Это была уже не первая окончательная. Я открыла вложение и поставила рядом с рабочим макетом. Под фотографией судна исчез целый абзац:

«До аварии в документах технических осмотров отмечались замечания, требовавшие устранения. Их выполнение относилось к обязанностям эксплуатирующей организации».

Вместо него теперь предлагалось:

«Опыт эксплуатации „Ориона-7“ способствовал совершенствованию технических процедур и укреплению культуры безопасности».

Я прочитала обе версии ещё раз. Во второй судно как будто просто долго и успешно работало, а потом научило всех чему-то полезному. Авария оставалась в предыдущем абзаце, но переход от неё к этой благополучной фразе был таким гладким, что хотелось провести пальцем между строками и проверить, не склеились ли два разных текста.

Лазарев объяснял правку спокойно: подпись не должна содержать выводов об ответственности, которые эксплуатирующая организация не имела возможности прокомментировать. К открытию требовался согласованный текст; спорный абзац он предлагал заменить приложенной формулировкой, чтобы не задерживать печать всего комплекта. Я понимала, что печать действительно нельзя отодвигать бесконечно. Но на месте конкретного действия — заметили, должны были устранить — теперь стояли «совершенствование» и «укрепление». Эти слова занимали почти столько же места и ничего не позволяли представить.

Я набрала вопрос научному редактору, приложив обе версии: что именно здесь остаётся подтверждённым фактом и можем ли мы сохранить хотя бы первое предложение. В печатном списке поставила возле подписи пометку «ждёт текста». Пустое место в макете раздражало, но заполнять его утверждённой бессодержательностью только потому, что она нужной длины, пока не хотелось. Письмо отправила без Лазарева в копии: сначала мне нужно было понять, за что я спорю.

Телефон завибрировал под краем оттиска. На экране высветилось «Илья Корсаков», и я сразу посмотрела на часы, будто уже знала, во сколько он должен позвонить. Не знала. Только весь день носила с собой возможность этого звонка.

— Да, слушаю.

— Вера? Здравствуйте. Это Илья. Света дала ваш номер. Вам сейчас удобно?

Я отошла от стола к окну, подальше от шума.

— Здравствуйте. Удобно. Вы уже приехали?

— Да. Хотел уточнить, как забрать ключи. Света сказала, они у соседки.

— На вашем конверте написано имя и фамилия. Второй этаж, дверь справа от моей. Номер моей квартиры я вам сейчас пришлю вместе с адресом. Лучше зайдите со двора: там без наружной лестницы. Внутри подниметесь по лестнице на второй этаж. Домофон у дворовой двери, соседка откроет. Только кнопку надо нажать и отпустить, не держать. И когда она спросит…

Я замолчала, потому что в трубке тихо засмеялись.

— Извините, — сказал Илья. — На конверте точно моё имя? А то с такой подготовкой я боюсь, что ключи предназначены более ответственному человеку.

— Можете попробовать сразу с улицы крикнуть. Иногда тоже работает.

— Я всё понял. Двор, второй этаж, соседка справа. Кнопку не мучить.

— Она просто заедает, если долго держать.

— Тогда это было важное предупреждение. Я зря смеялся.

Он сказал это уже без шутки, и мне стало смешнее, чем от самого замечания. Я прислонилась к подоконнику. Краска под ладонью была прохладной, на пальце осталась крупинка пыли.

— Остальное уже необязательное, — сказала я. — В квартире по коридору комната напротив спальни. Дверь будет открыта. Коробки вдоль стены — мои, я предупреждала Свету.

— Коробки мне не мешают. Ключи сегодня верну вам или пока оставлю у себя?

— Оставьте. Я до ночи на работе, вы без них не войдёте.

— Хорошо. Тогда я сейчас занесу вещи, а потом поеду обратно на встречу. Вам что-нибудь купить по дороге?

— Нет, спасибо. Там всё есть.

Это выскочило само собой. Я представила холодильник, в котором утром видела сыр, яйца и банку горчицы. Для человека, привыкшего проверять суда, набор, возможно, был недостаточным.

— Вообще продукты лучше купите себе, — поправилась я. — Я имела в виду не еду. Полотенце есть. Постель готова.

— Понял. Про еду сам разберусь. Спасибо, что пустили. Света сказала, у вас сейчас открытие.

— Выставка. Да. И всё, что могло прийти с надписью «окончательно», пришло ещё раз.

— Вы делаете экспозицию?

— Оформление и монтаж. В основном стараюсь, чтобы люди прочитали то, ради чего сюда пришли, а не ушли с отражением собственной куртки в витрине.

— Это про свет?

— Вчера было про свет. Сегодня про текст.

Я могла на этом закончить. Он уже знал, где взять ключи, мне нужно было вернуться к подписям. Но Илья не торопился подхватить разговор готовой историей о себе, и я вдруг захотела проверить, как он ответит.

— Вам часто приносят документы, в которых всё хорошо, а смотреть всё равно надо?

— Если всё хорошо написано, смотреть обычно интереснее.

— Значит, не верите?

— Одному тексту — не всегда. Но и заранее не верить неудобно. Можно полдня доказывать себе, что тебя обманывают, а потом выяснить, что человек просто неудачно назвал деталь. Я обычно прошу показать, о чём речь.

— А если показать уже нельзя?

Он помолчал.

— Тогда спрашиваю, откуда взялось описание. Кто видел, когда записал. Смотря что проверяем. Вы сейчас про экспонат или про подпись?

— Про подпись. Там было два предложения, по которым хотя бы понятно, что происходило. Их заменили на то, что всё способствовало укреплению чего-то хорошего. Я не историк, не могу решать, кто в чём виноват. Но я должна поставить этот текст рядом с фотографией. И получается, что всё выглядит достойно, а прочитать нечего.

— Вы сердитесь на формулировку или на то, что убрали?

— На то, что формулировкой предлагают не заметить, что убрали.

— Тогда я бы тоже сердился.

В зале что-то тяжело стукнуло, и я обернулась. Сергей поднимал с пола пустой ящик. Он показал, что всё в порядке, и я снова повернулась к окну.

— Только я бы не стал сам восстанавливать недостающее, — продолжил Илья. — Спросил бы, можно ли оставить конкретный факт без вывода. Иногда можно. Иногда выясняется, что и факт никто толком не проверил.

— Я уже спросила. Жду ответа.

— Значит, рассказал вам то, что вы и так сделали.

— Немного.

— Бывает. По телефону особенно легко дать человеку совет, который ему не нужен.

Я улыбнулась. Мне понравилось, что он не попытался немедленно исправить впечатление ещё одним, более подходящим советом. В его голосе не было той осторожной ласковости, с которой иногда разговаривают с женщиной, начавшей жаловаться на работу. Он слушал, о чём я говорю, и, кажется, допускал, что я знаю, что делаю. От этого захотелось рассказать больше — про карту, про вчерашний блик, про то, как странно видеть собственную работу, когда её наконец собирают в зале. Я почувствовала тепло в груди и задержала ладонь на подоконнике, хотя пыль уже мешала.

— Впрочем, про «попросить показать» я запомню, — сказала я. — Сегодня мне как раз показали. Витрина всё-таки прошла там, где я считала, что не пройдёт.

— Целая?

— Да. Даже без моего участия.

— Это трудно принять.

— Постепенно справляюсь.

Он рассмеялся, на этот раз открыто, и я услышала в трубке уличный шум. Вспомнила, что человек, возможно, всё это время стоит с вещами и ждёт, когда его будущая хозяйка закончит рассуждать.

— Я вас задерживаю. Адрес сейчас отправлю. Напишите потом, что ключи забрали, хорошо?

— Хорошо. И вы меня не задерживаете. Я сам позвонил.

— Вы по делу звонили.

— Мы и поговорили по делу.

Я не нашла, что ответить, и на мгновение стало неловко — приятно, но всё-таки неловко. Он не сказал ничего особенного. Просто не дал мне извиниться за весь разговор.

— Тогда до вечера, — сказала я.

— До вечера, Вера. Спасибо.

Звонок закончился. Я вытерла ладонь о салфетку, отправила адрес, номер квартиры и номер соседки для домофона. Перед отправкой перечитала сообщение и убрала последнюю строку про кнопку: это он уже запомнил.

Сергей позвал меня к витрине. Нужно было решить, на какой высоте ставить маленькую подпись сбоку. Я вернулась к столу, взяла пробный оттиск, но вместо того, чтобы сразу показать место, попросила его подержать лист у стекла. Отошла на несколько шагов. Буквы были видны, край фотографии тоже, но подпись стоило опустить чуть ниже.

— Вот так? — спросил Сергей.

— Ещё немного. Да, держи.

Поймав своё отражение, я заметила, что всё ещё улыбаюсь. Сдвинулась в сторону, чтобы не мешать себе смотреть, и достала карандаш.

Подпись мы закрепили на выбранной высоте. Сергей прижал её к стенке витрины, я отступила, посмотрела и попросила больше ничего не трогать. Через полчаса сама вернулась проверить. Всё стояло ровно. Можно было перестать возвращаться.

В шестнадцать сорок от Ильи пришло сообщение: «Ключи забрал. Спасибо. Сейчас занесу вещи и поеду на встречу». Я прочитала его, сидя на корточках возле коробки с крепежом, и ответила: «Хорошо». Палец задержался над клавиатурой. Хотелось дописать что-нибудь про комнату — удобно ли, всё ли нашёл, — но он ведь ещё только собирался туда зайти. Я убрала телефон. Рядом Сергей искал короткие винты; нашла пакет первой и протянула ему, не поднимаясь.

К вечеру шум в зале изменился. Уже не пилили, реже двигали тяжёлое; вместо этого отрывали ленту, разворачивали упаковку, спорили вполголоса над мелочами, которые утром казались несущественными. Спорная подпись так и оставалась в моём списке с пометкой «ждёт текста». Я отправила в печать остальное, проверила число файлов и закрыла переписку. В пустом месте макета не появилось ничего нового оттого, что я ещё раз на него посмотрела.

Потом долго не могла уйти. У входа оставалась стопка упаковочного картона, на столе — чужие инструменты вперемешку с моими оттисками. Я складывала одно к другому, пока не поймала себя на том, что аккуратно обхожу одно и то же место с обрезком ткани в руке. Не знала уже, нужен он или нет. Положила его в пакет с остатками. Вымыла руки; вода стекала с пальцев серыми дорожками, а под ногтем всё равно осталась краска. Когда взяла сумку, плечо отозвалось тупой болью. На сегодня хватит.

На улице пришлось остановиться, чтобы достать шарф. Пока стояла под светом музейного крыльца, всё ещё хотелось вернуться и проверить, всё ли сделано. Но дверь уже была заперта, и я спустилась к дороге. Ветер подхватил край пальто. После сухого тёплого зала воздух казался влажным даже там, где асфальт был совсем светлый. На другой стороне улицы мужчина тянул собаку мимо освещённой витрины; собака упёрлась, и я с неожиданным сочувствием проследила, кто кого переубедит. Победила собака. Они остановились.

На подъёме к дому сумка несколько раз сползла с плеча. Я перестала её поправлять и понесла в руке. Днём, слушая Илью, ещё представляла, как мы встретимся вечером. Он выйдет из комнаты, окажется не плоским снимком и не голосом из телефона, придётся сказать какое-нибудь новое «здравствуйте». Сейчас было почти полночь, ноги болели, и собственного лица я с утра не видела. Хотелось прежде всего снять обувь. Но возле подъезда я всё-таки убрала волосы с щёк и провела ладонью по воротнику.

На втором этаже лампа зажглась, когда я уже подошла к своей двери. Ключ сначала попал мимо скважины. Я нашла её на ощупь и повернула ключ, стараясь не греметь связкой. В квартире было темно и тихо. Не той осторожной тишиной, в которой ждут чужого шага, — просто холодильник едва слышно гудел в конце коридора, как всегда, и больше ничего.

Включив свет в прихожей, я увидела на прежде свободном крючке тёмную куртку. Должно быть, Илья уже вернулся. Повесила пальто рядом и сняла ботинки. Ноги сразу стали тяжёлыми, ступни словно расправились по полу. У двери гостевой остановилась. Она была приоткрыта; узкая полоса света из коридора легла на ближний угол чемодана. Дальше виднелся только кусок пола. Кровать вдоль левой стены оставалась за дверным полотном, и, чтобы увидеть её, пришлось бы войти.

Я не вошла. Наверное, он спал.

В течение дня это было так просто — человек занесёт вещи, будет жить напротив, мы как-нибудь поговорим. Теперь между нами стояла дверь, за которой он имел полное право ни о чём не знать, в том числе о моём возвращении. Я задержалась, прислушиваясь не столько к комнате, сколько к собственному желанию постучать. Можно ведь тихо. Спросить, всё ли в порядке. Хотя ответ вроде бы и так был: сообщение о ключах, куртка и чемодан. Мне хотелось, чтобы он открыл. Чтобы дневной разговор продолжился ещё на несколько минут, пока я окончательно не превратилась в человека, которому нужно только лечь.

От этой ясности стало неловко и вместе с тем радостно. Я могла признаться себе, стоя босиком в коридоре: мне интересно его увидеть. Но будить ради этого незнакомого человека в полночь было бы странно. Я опустила руку, так и не дотронувшись до двери, и прошла на кухню. Досада осталась — небольшая, совершенно неразумная. Никто не обещал меня ждать.

На столе стояла незнакомая широкая кружка. Под ней белел сложенный вдвое лист. Утром перед уходом я оставила Илье записку — положила посреди стола, текстом вверх, чтобы он заметил её, когда войдёт на кухню. Написала крупно, почти как подпись к экспонату: «Илья, располагайтесь. Комната напротив спальни, полотенце на кровати. Чай и кофе в шкафчике над чайником, чашки в сушилке. Если вернусь поздно, не ждите. Вера». Сейчас лист лежал у дальнего края стола, ближе к окну, сложенный написанным внутрь. Значит, прочитал. Я села с другой стороны и вытянула ноги. В прихожей была его куртка, здесь — кружка; мой лист уже побывал в чужих руках и перестал быть приготовлением к чьему-то приезду.

В холодильнике нашлись яйца и сыр. Я поставила маленькую сковороду на плиту, разбила яйца и осталась рядом, не решаясь сесть: боялась, что потом придётся вставать через силу. Белок схватывался по краям, а я смотрела на часы и считала, сколько сна ещё можно получить, если сейчас поесть и больше ни за что не браться. Выходило немного. Прибавила себе полчаса за счёт утренних сборов, сразу поняла, что обманываю, и перестала считать. Хотелось горячей еды и чтобы никто не спрашивал, почему я стою перед плитой с закрытыми глазами.

Когда яичница была готова, переложила её на тарелку и взяла хлеб. Хруст поджаренного края показался слишком громким. Я усмехнулась самой себе: ещё не встретилась с жильцом, а уже жую деликатно. Через несколько кусочков это прошло. От еды стало теплее, и тело понемногу перестало требовать немедленно прекратить всё на свете. На другой стороне стола оставалась кружка. Пару раз я подняла на неё глаза, пытаясь понять, что именно меняет этот небольшой предмет, потом потянулась за телефоном.

В городской ленте между фотографией перекрытой дороги и объявлением о найденном псе было короткое сообщение: «Сегодня вечером во Владивостоке спасли двух человек после происшествия с катером. Обстоятельства уточняются». Имён не было. Я перечитала первые строки, посмотрела на тёмное стекло окна. За ним порыв ветра коротко засвистел у рамы. Представила мокрую одежду, холодную воду — и плотнее прижала ступни к ножке стула. Хорошо, что этих двоих вытащили. Листнула дальше, но фотография чужой собаки уже не заинтересовала.

Телефон положила экраном вниз. Тарелку вымыла сразу, чтобы утром не начинать с неё. Потом долго ждала тёплой воды в ванной, опираясь ладонью о край раковины. В зеркале обнаружилась полоска пыли возле виска. Протёрла её мокрыми пальцами. Вот в таком виде и хотела знакомиться. Лицо было усталым, глаза покраснели, но на этот раз я не стала ни приглаживать волосы, ни искать что-нибудь ещё, что следовало исправить.

В спальне не включала настольную лампу: света из коридора хватило, чтобы найти ночную рубашку. Из гостевой по-прежнему ничего не доносилось. Я прикрыла свою дверь и легла. Несколько минут мешало одеяло: то жарко, то холодно, то край завернулся под бок. Потом устроилась на боку лицом к стене. Рабочие мысли обычно продолжали двигаться и после того, как я выключала свет, но сейчас вспоминался голос Ильи — как он спокойно признал, что дал ненужный совет, и не стал торопливо предлагать другой.

Я не знала, как он спит, громко ли ставит чашку, любит ли открывать окно на ночь. Завтра какая-нибудь из этих мелочей наверняка окажется неудобной. Но сейчас меня занимало другое: за стеной коридора могла продолжаться чья-то отдельная, не требующая моего участия жизнь. Я чувствовала её близость, хотя ничего не слышала. От этого было непривычно спокойно. Последней мыслью стало, что утром надо бы оставить ему место в сушилке для этой широкой кружки. После этого я уснула.

Утром будильник застал меня в той же позе, только одна рука затекла под подушкой. Я выключила его и ещё немного полежала, сжимая и разжимая пальцы. Встала позже, чем собиралась. Из коридора не было слышно ни шагов, ни воды. Проходя мимо гостевой, я замедлилась, но останавливаться не стала. У меня оставалось время на чай и что-нибудь съесть; разговор пришлось бы вести уже на бегу.

При дневном свете кухня выглядела холоднее. На стекле собралась тонкая полоска влаги, стол был чист, а из-под широкой кружки выступал угол сложенного листа. Я наполнила чайник, потянулась за своей чашкой, потом вернулась к столу. Подняла чужую кружку — пустую — и развернула записку.

Под моими крупными буквами начинался другой почерк. Строки чуть поднимались к правому краю, хотя места было достаточно; в одном слове буква была перечёркнута, следующая дописана сверху. Я прочитала сначала подпись, потом вернулась к началу.

«Вера, спасибо за комнату. Особенно за стол: на нём получилось разложить бумаги и ещё оставить место для локтей. Это оказалось неожиданно удобно. Коробки не мешают, не трогал.

С кухонным краном у меня вышло хуже. Если опустить рычаг до конца, вода всё равно капает. Чуть сдвинул в сторону — перестала, но повторить с первого раза не получилось. У него есть положение, которое нужно знать? Или я уже что-то испортил? Без спроса разбирать не буду. Если разрешите, могу посмотреть, но сантехником себя заранее не объявляю.

Телефон утопил, поэтому на звонки пока не отвечу. Мои дела сейчас затягиваются до ночи, а вы, кажется, уходите рано; пока никак не совпадём. Пишу здесь, чтобы вы не думали, что поселили человека, который собирается только занимать комнату и молчать. Если что-то нужно, оставьте на столе.

Илья».

Внизу, отдельно, было приписано: «Лампа хорошая. Наконец не приходится читать в собственной тени».

Я посмотрела через коридор на дверь своей спальни. У моего ноутбука теперь стояла другая лампа, и злость на неё ещё хорошо помнилась. Он не мог знать, откуда взялся этот светильник. Просто сел за стол и ему оказалось удобно — именно этого я хотела. Удовольствие было таким явным, что я улыбнулась прямо в лист. Не нужно было объяснять, сколько времени заняла комната, или шутить, будто всё получилось само. Он заметил.

Чайник выключился. Я оставила записку раскрытой и заварила чай. На рычаг крана нажала машинально, потом вспомнила вопрос Ильи и попробовала опустить его ровно вниз. Капля повисла, упала; за ней выросла вторая. Я чуть отвела рычаг вправо, как делала уже давно. Капать перестало. Вот ещё одна вещь, которой я научилась не замечать. Для меня кран закрывался, просто надо было знать как. Чужому человеку досталась маленькая неисправность, а не моя привычка обходиться с ней.

Телефон жалко. Я представила свой на дне ведра или ускользающий из руки над водой и поморщилась. Надо будет сказать Свете, что на его номер пока звонить бесполезно. Открыла переписку с подругой и написала: «Илья устроился, всё нормально. Лично ещё не пересеклись: вчера вернулась совсем поздно. Оставил записку, благодарит за комнату. Пишет, что утопил телефон, так что пока без связи». Отправила и отложила свой.

Мне уже хотелось ответить ему. Не вечером, после работы, когда снова останутся только ноги, которым больно, и голова, которой ничего не нужно. Сейчас, пока его письмо лежало передо мной и слышался тот же спокойный голос, что вчера по телефону. Я нашла чистый лист, села и написала: «Кран вы не сломали». Получилось так категорично, будто я провела проверку. Добавила: «Он давно такой». Дальше было просто: объяснить движение рычага, разрешить посмотреть, поблагодарить.

«Илья, кран вы не сломали, он давно такой. Рычаг надо опустить, а потом чуть отвести вправо. Я делаю это не глядя и потому забыла предупредить. Посмотреть можно, если вам не трудно, но пока достаточно этого движения. Спасибо, что спросили, прежде чем разбирать.

Рада, что вам удобно. Если будет не хватать места в шкафу, скажите: я освобожу ещё одну полку. Сегодня опять могу вернуться поздно. Будить вас не стану».

На этом можно было закончить. Всё, что требовалось для совместной жизни, поместилось в нескольких строчках. Я написала имя, поставила точку и отложила ручку.

За окном хлопнула дверца машины. Я посмотрела на часы. Пора было одеваться, брать сумку, выбираться из дома. Но уходить от этого листа не хотелось. Во вчерашнем разговоре осталось что-то недосказанное, причём не потому, что нас прервали или мы не успели договориться. Мне хотелось ещё услышать, как он думает. Сейчас можно было спросить, и ему не пришлось бы отвечать немедленно, искать слова на ходу или вежливо поддерживать разговор с хозяйкой.

Я снова взяла ручку. Под подписью оставалось много места, и от этого стало неловко: любое продолжение будет видно как продолжение, как то, без чего я могла обойтись. Хотела начать с «Кстати», но остановилась. Ничего случайного в этом вопросе не было — я помнила его со вчерашнего дня.

«А то, что вы говорили про неправильно названную деталь, — это был настоящий случай? Мне интересно, что там оказалось на самом деле».

Перечитала. Захотелось приписать «если будет время», но это сделало бы вопрос похожим на извинение. Времени у него может и не быть. Тогда ответит позже или не ответит вовсе. Я оставила как есть. Никакого особенного признания в этих двух предложениях не было, а всё равно казалось, что теперь он узнает обо мне больше, чем из всей предыдущей части письма.

Пока одевалась, несколько раз вспоминала формулировку. Не слишком ли похоже на просьбу развлечь меня рабочей историей? Он, может быть, устаёт от своих проверок так же, как я от монтажа. Но ведь вчера сам начал об этом говорить, и вопрос у меня был настоящий. Я застегнула пуговицу не в ту петлю, заметила только возле зеркала и, усмехнувшись, расстегнула обратно. Можно было перестать редактировать записку, которую никто ещё не прочитал.

На кухню вернулась уже с сумкой. Его письмо лежало раскрытым рядом с моей чашкой; на белом поле проступила тень от ручки. Я сложила лист по прежнему сгибу и положила у окна. Свой ответ оставила посреди стола, написанным вверх, а пустую широкую кружку поставила на угол, чтобы не закрывать строки. Последний вопрос оставался виден.

У двери задержалась, проверяя ключи. Сегодня мне не хотелось мысленно возвращаться в квартиру, чтобы убедиться, что всё сделано. Хотелось вернуться по-настоящему — и посмотреть, появился ли ответ. Я вышла, уже радуясь предстоящему вечеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.